

Елена Меньшенина

**АЛХИМИКИ
ДОЖДЯ**

Челябинск
2011

УДК 821.161.2
ББК 84(2Рос=Рус)
М51

Меньшенина, Е. С.
М51 Алхимики дождя / Е. С. Меньшенина. — Челябинск, 2011. — 80 с.

Первая книга молодого челябинского автора — студентки ЮУрГУ, лауреата конкурса «Восхождение на Парнас».

*В оформлении обложки
использована иллюстрация автора*

© Меньшенина Е. С., 2011.

Магия слов

Помните, у Антона Павловича Чехова в «Трех сестрах»: «Мария Сергеевна играет великолепно, почти талантливо»? В те времена к эпитетам и ярлыкам относились с большой осторожностью. Не то, что нынешнее племя...

Положа руку на сердце, все же хочется почти повторить слова классика: Елена Сергеевна пишет очень красиво, талантливо. С чего это вдруг я взялся раздавать комплименты молодому автору? С одной стороны, круг тем традиционен для начинающих: одиночество, тоска, разлука с любимым человеком, непонимание других... С другой... И тут начинается самое интересное.

*Кромка реальности жестяная
Пальцы до крови режет.*

Образы в стихах Елены нервны, остро отточены, колючи, как ежи. Они задевают, они цепляют, они заставляют вернуться к ним и перечесть раз, два, три...

*Капли клацают: «Захлебнись одиночеством из-под крана,
Одиночеством ржавых труб, оплетающих жизнь твою.*

И тут происходит чудо: самые самые обычные явления оживают, становятся героями стихотворений, выходят на улицы, вступают с читателями в разговор, конфликтуют и доказывают свою правоту.

*Голодный ветер бессильно кусает зонт
И зубы сломать норовит о железные спицы.
Глодает, и злится, и брызжет слюной дождя,
Бросается под ноги, с плачем проносится мимо...*

А вечер проходит, закат под уздцы веда...

Два любимых героя автора: фонарь и дождь, они ко-чуют из строки в строку, изо дня в день, из одного образа в другой, при этом они столь многолики и разнообразны, что ничуть не утомляют. Только удивляешься: эвон как по-вернула...

Останусь стоять в тени сгоревших фонарных спичек...

Есть и третий герой почти нереальный, постоянно да-лекий, едва ли не сказочный.

*...расскажут другую сказку,
Ту, где мы с тобой не жили, не были...*

*...мы бредем домой по узкой ленте
Давным-давно не стиральной судьбы.*

Все чинно, благородно: ты далеко, я тебя люблю и жду... Просто классика жанра. Но и здесь Елена взрывает ситуа-цию, выхлестывает:

*...я — в осколки — стеклянную жизнь,
Чтобы ты никогда не смотрел сквозь меня...*

Этот сборник — просто кипящий котел эмоций, чувств, мыслей, образов, очарований и разочарований, находок и открытий. Я рад, что стихи Елены Меньшениной приходят к читателям.

Владлен Феркель,
поэт, издатель

*В. Б. Феркелю, без которого
не было бы этой книги.*

* * *

Коломбина десятых годов...

**А. Ахматова,
«Поэма без героя»**

Шито белым стихом, та сhere Коломбина,
Твое домино. Пусть гнилые нитки
И кривые швы — распрями же спину,
Растяни прорехи в кривой улыбке.

Дождь шуршит потрепанным кринолином,
И лентяйки-тучи лежат вповалку...
Постарайся выдохнуть, Коломбина:
Это просто воздух. Его не жалко.

Менуэт тебя пощадит едва ли,
Звук твоих шагов захлебнется в лужах...
Коломбина! Мы ли не пировали?
Неудача голову нам не вскружит.

Скоро грим сотрешь и отбросишь маску,
Менуэт осядет трухой и пылью...
Скоро нам расскажут другую сказку,
Ту, где мы с тобой не жили, не были.

* * *

Был нещадно развенчан последний кумир.
Равнодушно касаюсь — на пальцах зола.
Или ты — за стеклом, или я — из стекла —
Это так отдаленно похоже на мир.

Бесконечный — стеклянно-разбрызганный звон,
Каждый час, каждый миг — за какие грехи?
Впрочем, странный вопрос — я писала стихи,
Они так отдаленно похожи на стон.

Может, это лишь отзвук вчерашнего дня?
Хочешь знать? К ледяному стеклу прислонись.
А потом я — в осколки — стеклянную жизнь,
Чтобы ты никогда не смотрел сквозь меня.

Майское

1.

Февраль за окнами кашляет, как больной.
Фонарь опускает голову, освещая,
Как на улицу, спящую в синей гуаши ночной,
Опускается шаль — не пуховая — снеговая.

А сугробы у дома похожи на эскимо,
Но вместо глазури покрыты дорожной пылью...
Хотелось бы верить: последний сеанс в кино,
Вот только боюсь: этот фильм обернется былью.

Тогда мы узнаем: билеты купили зря,
И напрасно вчерашний сон называли маем...
И проснемся от кашля простуженного февраля,
А как его вылечить — мы до сих пор не знаем.

2.

Май, нарисованный на асфальте зеленым мелом,
Наступил внезапно. Ветер перевернул страницы.
Календарь на столе не лжет. Что теперь с ним делать?
Мы понимаем: нам больше ночами не спится.

А небо — черничный кисель, и дело солнца —
Медленно — нехотя — в нем на закате вязнуть...
Что мы скажем друг другу завтра, если проснемся,
Когда утро одно, а числа — смотри же — разные!

Капли дождя смывают буквы с апрельской пылью,
Забудет стекло — но у рук моих память лучше...
Я завтра ее, словно кофе остывший, вылью,
И буду потом гадать на кофейной гуще.

3.

Хромает ритм. Поскользнулся на мартовском гололеде.
А сейчас уже май, и снегу пора растаять...
Мне теперь говорят, что так не бывает в природе.
И не знает никто, что природа моя — другая.

Я все написанное объясняю весенним сплином.
Чувство, уместное даже в начале мая!
Слово — мой пропуск. На зависть светским гостиним
Я в души вхожу по-английски — не представляясь.

Ветром открыта дверь — ты же помнишь, кто я?
Комната наша осталась, как жизнь, пустая.
Эхом зимних стихов рассыпаются в памяти двое,
Но сейчас уже май, и снегу пора растаять.

* * *

Приходим в себя, но любовь остается вне —
Там, за дверями, должно быть, увлекшись маем...
А без нее мы ночами кричим во сне
И в утренний кофе, как сахар, слова роняем...

И, размешав все привычкой, раз ложки нет, —
Знаем, что горько! — но пьем, потому что надо...
Где-то на дне — наш последний декабрьский бред —
Небо, в которое падать, и падать, и падать...

* * *

Стала жизнь неудобной и жмет мне, как новые туфли.
Растянулись минуты — трамваи вдруг медленней
стали идти...

Я хожу, задевая ногами какую-то рухлядь...
Может, память? Откуда берется она на пути?

Засыпа... Засыпаю я с каждым мучительным шагом.
С неба капает дождь, как в граненый стакан корвалол...
И мерещится: ветер сминает меня, как бумагу.
Открываю глаза: туфли жмут, а трамвай не пришел.

Не улыбка — оскал. Не своим ли отравлена ядом?
Время тучей плывет, но меня не зовет за собой...
Скоро мне надоест горизонт перечеркивать взглядом,
Но куда мне идти с этой стертой — до крови — душой?..

* * *

Кто-то горло мне сжал, как манжета тонометра руку...
А давление упало — должно быть, сказала зима.
Запиваю дождем, как таблетку, весеннюю скуку,
Как лекарства в аптечке, теснятся повсюду дома...

В декабре наглотавшись лекарств, мир и в мае
сплошная больница.

Из палаты — на миг, и скорее обратно в кровать...
Но приходит в себя, от зимы начинает лечиться,
С каждым часом весны дефицитный D₃ принимать.

Не могу обещать, что лекарство окажется сладким,
Что за несколько дней от болезней любых исцелит...
Пусть лишь пальцы на горле ослабят привычную хватку...
Выдох-вдох. Все пройдет: и весна, и тоска, и бронхит...

Одиночество

Паутина спутанных проводов обвивает горло и душит...
От одиночества можешь выть — звукоизоляция хороша.
Десятиэтажная пустота. Тишина зажимает уши.
Рухнул карточный домик под глупой табличкой: «Душа».

Одиночество — как клеймо. Ни мочалкой его, ни мылом.
Оно ставится изнутри. Прожигает — всегда — насквозь.
Одиночество — это жгут, перетягивающий жилы,
Это вывих судьбы — о нет! — переломанная кость.

Одиночество — мой недуг. Проявился он слишком рано.
Это вирус, который я подхватила — в каком краю?
Капли клацают: «Захлебнись одиночеством из-под крана,
Одиночеством ржавых труб, оплетающих жизнь твою».

* * *

День разливается, как молоко по подоконнику,
Слегка горчит — должно быть, терпким будет май.
Хоть подставляй теперь кастрюли и подойники —
День наполняет их и льется через край.

Мы собираем его бережно и льстиво —
Да, чуть расплещешь — и исчезнет — он таков.
А солнце нежится — беспечно и лениво,
Как масло сбитое в сметане облаков.

А мы, когда смолкают редкие трамваи
И масло тает и стекает косо вниз,
День-молоко, разлив по кружкам, выпиваем:
До капли, залпом, поскорее, чтоб не скис.

* * *

Солнце натягивает одеяло
До подбородка. А кран не закрыт.
Дождь проливается мало-помалу:
Солнцу пора обустроить быт.

Эх, пригласить бы сантехника-лето,
Кран починить — может, станет тепло?
Солнце-соседа призвать бы к ответу:
«Ты тут зеваешь, а нас залило!»

Солнце вздохнет, не вставая с постели:
«Кто разбудил меня? Что у вас тут?»
Глянет лениво: «Как все надоели!
И поболеть-то уже не дают!»

Грели вас, баста! Теперь — на лечение.
Хоть на три дня — да улягусь в кровать!
Улицы ваши — потом, к воскресенью —
Высушу, выглажу... Дайте поспать!»

Гамлету

To be or not to be — that is the question!

W. Shakespeare

Все мне кажется, принц, что вопрос Ваш слегка устарел.
Что ж, куда не взгляни, здесь одни философские лица...
Я вот тоже хочу отдохнуть ненадолго от дел
И больной головой в эльсинорские стены побиться.

Принц! Нам всем тут пора в вытрезвитель. Одни —
от портвейна,
А другие — от жизни — равно все пьяны. Даже мы.
Но избавьте меня от своих уравнений линейных.
«Быть — не быть?» Хорошо так гадать лишь
в преддверьи зимы!

Гамлет! Вышла ошибка, и Вы перепутали числа!
Зря пришли — здесь весна, оглянитесь вокруг!
Опостылел давно череп Йорика. Нет в жизни смысла.
И искать — не хочу. Это тоже диагноз, мой друг.

* * *

Эх, к судьбе бы зайти в кабинет, кулаком по столу:
«Ну, доколе!
Расчертили таблицей мой день и довольны теперь,
стало быть?
Что у Вас попросить? А... пожалуйста, горсточку соли:
Жизнь, как уксус, пресна, нужно солью ее подсластить.

А у Вас на столе, вижу, бережно собраны в папку
Все стихи? И печать: «Этот бред не читать! Никому!»
Так доколе тянуть эту рифмо-размерную лямку
Вдоль тетрадных страниц? Объясните. Без Вас — не пойму».

* * *

Новый рисую май, девятнадцать таких прожив.
Рисунок затерт до дыр. Я отчаянно старомодна.
Всем замечательны мягкие карандаши,
Только одно — для набросков они не пригодны.

Так, может, не нужно? Начну рисовать, как есть —
Размашистой линией жизнь — по столу, по стенам...
Жить в перечеркнутом мире — не слишком большая честь,
Но эти картины тоже имеют цену.

Завтра продам, и буду бродить по домам чужим,
Буду смеяться, богов поминая — все...
Всем замечательны мягкие карандаши,
Только вот душу ими не нарисуешь.

* * *

Я потеряла тебя, как ключи от квартиры,
Как листок, на котором был адрес записан...
И остается обиду глотать без гарнира
И слезы на третье — микстуру с анисом.

Как тебе мой рацион? Хороша диета?
В дом не попасть, а в подъезде банкеты редки...
Так — на ступеньках — я буду сидеть до лета
И пересчитывать прутья лестничной клетки.

Буду терять слова, и спрашивать у прохожих,
Лифту читать стихи — и пытаться его: «Лучше? Хуже?»
Буду в кармане рифмы искать, и может,
Где-то под ними ключи наконец обнаружу.

* * *

Перед плахой сцены зал молчалив.
Темнота — круговой порукой.
Знают: завтра здесь, тишину пронзив,
Упадет гильотина звука.

А сегодня ноты летят в кадрили,
Перепутаны партитуры,
И на креслах пустых оседает пыль
Вихрем вспененной увертюры.

Оборвал дирижера неловкий жест
Вакханалию. Кто там стонет?
Тишина! Но опять подхватил оркестр
Звук, что пойман в силки ладоней.

* * *

Плаваем мы, как листочки чая
В чашке — бесцельно и бестолково.
Если столкнемся — молчим, скучая,
И через час расстаемся снова.

Я в одиночестве так устала
В вечер тоскливо сплестать минуты...
В чашке чайнок осталось мало,
Может, теперь повезет кому-то

Снова столкнуться? Но с кем же? Тайна.
Кто-то нас создал — к другим стремиться...
Что нас связало: кипящий чайник
И фэйф-о-клок — из чужих традиций?

Я в одиночестве так устала
Мерить шагами диагонали...
Вот и болтаюсь чайнкой вяло.
Чашка чужая. Меня — не звали.

* * *

Я сошла с ума, как с поезда, и дальше
Вдоль по насыпи бреду себе в бреду.
Жизнь, когда-то обвиненная мной в фальши,
Оказалась настоящей — на беду.

Огляделась — кто я? где? — ни мысли дельной,
Верно, стоило спросить проводника...
Вижу рельсы, что совсем не параллельно
Поднимаются куда-то в облака.

За спиной же — оборачиваюсь — шпалы,
Словно дней моих безликие тома...
Я давно их перечитывать устала
И на станции сошла. Сошла с ума.

* * *

Позолотой молчания закрашивать паузы —
Это слабость. К тому же — она осыпается,
И тогда, близорукие, видим отчетливо,
Что нам нечего больше друг другу сказать.

Пусть слова штукатуркой ложатся неровною,
Чтобы просто хотелось руками разглаживать,
Пусть стена остается нетронута шпателем
Взятых с книжных страниц неиспытанных чувств.

Легкой кисти мазком по стене — недосказанность...
Только я не художник — и вот, вместо подписи
Я слова отпечатками пальцев оставила,
Чтобы в душу навеки без стука входить.

Стол

Прямоугольная земля
На четырех жирафах ножек...
Что ж, география моя
Иной, конечно, быть не может.

На карту изумленно глядя,
Глазам не верит человек.
А материк лежит в тетради,
Весь разлинован сеткой рек.

Был год засушливым, не так ли?
Но стоит только сесть за стол —
И буквы падают, как капли:
Чернильный дождь в стране пошел.

* * *

Как занавес, взлетают шторы.
Я выхожу, едва жива.
Жаль, не годится стол в суфлеры
И не подскажет мне слова.

Дрожа от близости провала,
Как дебютантка, я стою
Перед экраном — перед залом.
Я позабыла роль свою.

А взгляд взыскателен до дрожи...
Ни капли жалости? Как знать!
Я в страхе думаю: а может,
Мне просто нечего сказать?

Но смотрят буквы, смотрят строки...
Я, чертов свой «талант» кляня,
Кричу: «Зачем вы так жестоки?
Чего вы ждете от меня?»

Не знаю слов, и рифм не вижу.
Я онемела; я слепа...
Боюсь экрана: станет ближе —
Расколется, как скорлупа.

Преграда рухнет — ясно, зримо,
И я экспромтом — видит Бог! —
Начну свой непроизносимый
Невыносимый монолог.

* * *

Как в зеркало, молча вгляделась в глаза ко сну,
Увидев, что взгляд его равнодушно-сер.
А кто-то в игре снова ставил на кон луну,
И ветер скитался над миром, как Агасфер.

Я вижу во сне, будто сторож чужих измен
Сказал мне: «Проснись!», облака опустив на грудь,
И я поднимаюсь, касаюсь размытых стен,
В надежде забыться снова — когда-нибудь.

Потом, задыхаясь, рывком открываю окно
И руки сплетаю с изломами черных ветвей.
Как тянет к земле... Я ее полюбила давно,
Но только однажды дышать разучилась на ней.

* * *

Закрываются веки уснувших оранжевых окон.
Вместо глаз — пустота. Дом, как Аргус, застыл и ослеп.
Переулок — волной, словно снегом присыпанный локон.
Я куда-то иду и в тупик попадаю, как в склеп.

За спиной — тишина. Я стою — обреченно-уныло,
С непонятым презрением глядя поверх голов
Пешеходов, зажатых, как между Харибдой и Сциллой,
Ледяными боками угрюмо молчащих домов.

Как быть с этой чужою — украденной где-то — улыбкой?
Как смотреть мне в глаза вечно-зрячих фонарных столбов?
Скоро рухнет мой дом. Он стоит на фундаменте хлипком.
Стены держатся только чужими стихами — без слов.

* * *

Давно заказан столик в ресторане
С названием «Жизнь». Ждем третьего. Итак,
Молчание садится между нами,
Небрежным жестом достает мышьяк.

Мы слишком много выпили отравы,
И к ней у нас давно иммунитет...
Молчим, молчим... И падает в бокалы
Яд скуки — неизбежный наш десерт.

Когда мы на расспросы метрдотеля:
«Где третий гость?» — ответим: «Не пришел»?
Передаем — хоть страшно надоели —
Слова, как соль, друг другу через стол.

«Что ж, вот Ваш счет». — «Еще вина налейте!»
Скупой ответ: «Все выпили, увы».
И мы бредем домой по узкой ленте
Давным-давно не стиранной судьбы.

* * *

Мчат по асфальту чернильные лужи.
Вырву страницу я, маю назло.
Почерк весны с каждым годом не хуже —
Мерзнет, бедняжка, и пальцы светло.

В небе разбрызганы кляксы, как люди —
Чистописания сорван урок.
«Господи, солнце когда-нибудь будет?» —
Я напишу. Смочит дождь — и не впрок.

Да, с каллиграфией вышла промашка!
Жду — когда станет немного теплей,
Солнце пойдет по рядам с промокашкой
Ставить отметки в квадратики дней.

Шахматы

Так — взлетают стихи со страницы-аэродрома,
Ключья порванных писем — с яблонь — на землю — так...
Бьется бесцельно в окна звук жестяного грома.
Каждый из нас — провидец, каждый из нас — дурак.

С каждым из нас играют шахматные будни,
Маю остались сутки — значит — опять цейтнот.
Ненужная рокировка — но кто же меня осудит?
Каждый из нас с судьбою эту игру ведет.

Я не считаю годы — это почти что кредо,
С каждым удачным ходом не вопрошу: «Quel jour?..»
Счет в поединке равный, это уже победа:
По белым тетрадным клеткам черными я хожу.

Фонари

1.

Две тени фонарных столбов весну мне перечеркнули.
А мне говорят: «Окстись! Так солнце не светит! Ложь!»
И хрупкий фонарный мир качается, как на стуле.
Я так и хочу спросить: «Когда же ты упадешь?»

Привычка идти на свет — бессмысленней всех привычек.
И солнцу: «Не уходи!», и ночи: «Не забирай!»...
Останусь стоять в тени сгоревших фонарных спичек
И думать, что сквозь закат обугленный смотрит май.

2.

Дождь льется с арестантским перестуком,
Как приговор, объявленный давно.
В окне фонарь моргает близоруко,
И лампа превращается в бельмо.

Но страшен глаз — распахнутый — зачем-то —
В попытке тщетной различить цвета...
А отблесков оранжевые ленты
Смахнула вмиг с паркета темнота.

Мы все — приговоренные к расстрелу.
Спина — стена. Срастаются — не зря:
Сквозь саван занавески мутно-белой
Глядит слепое дуло фонаря.

3.

Огоньки тлеющих фонарей за окном
Опускаются в пепельницу рассвета.
Дым, размотанный серым пушистым клубком,
Неохотно вдохнуло лето.

Оно ждет своей очереди. «Нынче — я!» —
Кричит май запоздалым прохожим.
Только ветер, как верный пес декабря,
Две фонарные кости гложет.

* * *

Гроб бетонный. Кто-то сверху в крышку
Забивает гвозди методично.
День, как горсть земли, летит в могилу,
Скалится рассвет из темноты.

Нервный тик часов. Встаю с постели
И глотаю утро с болью в горле,
Слушая, как где-то за стеною
Отпевают прожитый зря день.

* * *

Скучно! Веселье зимою редко...
Ужин закончен — бал!
Ночи наброшенную салфетку
Город с груди сорвал.

С первым — беззвучным еще — аккордом
Утра — в разгул и в пляс...
Только фонарь отрешенно-гордо
Щурил свой круглый глаз.

* * *

Я и в грош эту жизнь не ставлю,
Видно, крылья не вышли кроем...
Малодушно ответишь травлей?
Вот терновый мой нимб изгоя.

К пустоте прижимая спину,
Волком загнанным зубы скалю...
Надоело лепить из глины?
Боже мой, не играй со сталью!

Жизнь и так отсекает — лишних,
И не нужно спасать мне душу...
Надоело ворчанье свыше:
Научи же его не слушать.

Так что в рай собираться поздно:
Ржавый ключ, и разохлись двери...
Боже, как я религиозна,
Потому что в Тебя — не верю.

* * *

«Фонарь казнен?» Тумана горсть подбросим
В костер заката. Стынут голоса:
«Нет, жив еще». Последних слов не просим.
Приговорен к рассвету. Два часа,
Как объявили. Смотрит, не мигая,
С прямой спиной — должно быть, даже горд,
Мы на него и дождь роняли в мае,
И облака навьючили, как горб...
Совсем недавно приговор исправлен.
И скоро будет — в том сомнений нет —
Он ослеплен. А после — обезглавлен.
Недаром красен твой колпак, рассвет!

Весна

1.

Свет разорванный — паклей в стенах,
До удушья дома тесны,
Но в асфальтовых бьется венах
Неподсчитанный пульс весны.

2.

Солнце красной налипло глиной
Над домами. Гончар ведет
Перепев по-июльски длинных,
По-декабрьски коротких нот.

3.

Небо, узкое, как скворечник,
Заколочено — без гвоздя —
Не продольной, не поперечной
Разлинованностью дождя.

* * *

Чахлый фонарь неумело
Света стирает золу:
След до прозрачности белых
Пальцев, прижатых к стеклу.

Отблесков загнанных стадо
Щиплет сугробов края...
Мнет горизонта ограду
Поздний рассвет декабря.

* * *

Шел первый снег. Бросался на дома,
Бесстрашно погибал под каблуками,
И лужи сквозь коросту проступали,
Как сукровица неба — нет, вина! —
В покрытом мутным инеем бокале...

* * *

Бесстыден взгляд раскрытого окна...
Сентябрь себе казался обнаженным
И наглухо застегнутые клены
За плечи тербил, лишая сна.

Срывал покров лоскутных одеял,
И обращал в труху, и прятал в лужах...
А ветер беззаботно напевал
Мотив зимы, что забывался тут же...

* * *

Тени вечер растянул на дыбе,
В пятнах крови буро-рыжеватой
Небо, где, зажато на отшибе,
Бьется солнце бабочкой распятой.

Горизонтом-лезвием распорот
Свет, лежащий тонкими стежками.
Неумело шит разбитый город
С тем же небом, что и под ногами.

Шьет закат неловко и некрепко,
Чтобы разорвать потом на части...
А под ним — лица посмертным слепком —
Острое, безжалостное счастье.

* * *

Солнце спешит, позабыв о чем-то,
Улица — видишь? — следом.
И за шлагбаумом горизонта
Врезалась прямо в небо.

В облачный пудинг — нож для бумаги
Выдвинут до упора.
Нужно идти — замираем в шаге,
Не разглядев опоры.

Ищем вслепую, склонившись к краю,
И не находим — где же?
Кромка реальности жестяная
Пальцы до крови режет.

Мы на краю, а скорей — на сгибе
Жизни, в ладонях сжатой...

.....

Я не смотрела, а ты не видел:
Оба — не виноваты.

* * *

Все-таки высушу расправленную тишину.
Проведу по ней пальцем, почувствовав переплетение вдохов
И секунд узелки, и даже потом косну...
Просто коснусь, увижу, пойму: жива — все не так плохо.

Все-таки высушу — вот если к солнцу — с разбега...
Не помню только: когда дождь оказался рядом?
В том месяце — как его? — между апрелем и снегом?
Или тогда, между маем и листопадом?

Все-таки высушу... Льются слова — без ответа,
Как вода из крана на плешь соседу, как слезы... Добыча соли
Ведется в штатном порядке. Пройдет и это...
Только нет анальгина от этой застывшей боли.

Все-таки высушу. Как там: «Zahnschmerzen im Herzen...»
Все ерунда, и не это сегодня лечат...
Непропеченный закат глотаю с солью и перцем —
Только скулы светло: так пресен был этот вечер.

* * *

Говоришь мне: «Spleen», словно опытный душевед,
А у нас врачи объясняют хандру простудой...
Переходим на «ты» — это значит, что больше нет
Ни единого шанса, чтоб сохранить рассудок.

Диалоги с собой — полупшепотом — реже вслух...
Бьется в окна июнь и, столкнувшись с весной в полете,
Осыпается вниз. Вперемешку — и дождь, и пух —
Заслоняют стеной «Как живешь?» вместо «Как живете?»

Остается ждать и гадать, через сколько лет
Я увижу твой город, где смотрятся в небо лужи,
Где дома укрывает туман, словно старый плед...
География — бред. Ты на карте — не обнаружен.

* * *

Я боюсь ошибиться — так хочется — наверняка...
Лотерейный билет? Я стираю с тебя позолоту.
Я боюсь не узнать. Зеркала подавляют зевоту:
Их замучил склероз, но они еще видят — пока.

Не поделятся тайной зеркальные круглые рты.
У меня же, увы, никудышная память на лица,
И поэтому ты, если снова захочешь присниться,
Посмотри на меня: я больна, я боюсь пустоты.

Я боюсь тишины с ее матовой гладкой ладонью:
Она слишком щадит моих старых часов ритмию.
Нам мешают слова — мы моргаем, незрячее Вяя,
Но заранее знаем, что это бельмо — не прогоним.

Я по-прежнему вижу во сне бесконечные двери,
Что скрывают один — невозможный — единственный —
выход.

А теперь уходи. Поминай — если хочется — лихом.
Я ужасно устала. В тебя я сегодня не верю.

* * *

А мне поставят памятник из жести,
И будет грохотать он на ветру...
Не слишком я нуждаюсь в этой чести,
Но не хочу молчать, когда умру.

А мне поставят памятник из бревен,
Кривых, прогнивших, сложенных кое-как.
И будет он почти что небу ровень,
Чтоб думалось — до рая только шаг.

Да только рай мне вряд ли обеспечен.
Так что же, в ад? Там, говорят, тепло...
А мне поставят памятник на встречной,
Куда меня упрямство занесло.

На улице, задушенной домами,
Веревкою на шее — провода...
А мне поставят памятник... И сами
Об этом не узнают никогда.

* * *

Выцветший орнамент окон. «Хватит!» —
Бьется ночь, запутавшись в изгибах.
В это время город, как астматик,
Сделав вдох, не может сделать выдох.

Утром, задремав неосторожно,
Чувствует сухие губы ветра
На седой потрескавшейся коже
В шрамах улиц, сбрызнутых рассветом.

И, слизнув рассыпанные блески
Капель света, забывает норов.
Замирает жизнь на перекрестке,
Поймана булавкой светофоров.

* * *

Звезды-зерна исчезают в борозде рассвета,
Облака — как комья глины — ветер разрыхлит...
А сентябрь-мот бросает листья, как монеты,
В заскорузлые ладони тротуарных плит.

* * *

Со вчерашнего вечера нет писем в почтовом ящике.
Меня по кривой дороге обходит реклама.
Обычно все проще: не ищите, но обрящете,
А я не нужна даже рассыльщикам спама.

Две сотни знакомых — наглядное подтверждение.
На фото кривится росчерк чужой улыбки...
Позвольте, представлюсь: та самая Е. Меньшенина,
И Вы иногда мне пишете — по ошибке?..

...Кофейные чашки расставлены пепелищами,
Зеваю от глянцевого книг и умных журналов...
Мне сдачи не надо. Я нищая. Просто — нищая:
Роняю слова, как купюры в пасть терминалу.

* * *

Где деревья греют сморщенные спины,
Небо скрыто в горизонта пыльной яме.
Знак дорожный, словно камень из быliny,
И прохожие стоят богатырями.

Не налево — знак «тупик», как вопль: «Доколе?»
Не направо — там дорожные работы,
И не прямо — ибо совесть не позволит,
Когда в жизни — лишь кривые — и пустоты.

Сонной мухой вьется лето перед носом,
Отгоняю — по щекам бьют крылья света...
Знак кривится, притворяется вопросом,
На который не дожидаться мне ответа.

По канавам мои мысли, по кюветам
Разбросать бы — раз не слышат — на безлюдье...
И шагнуть в асфальт расплавленный, как в лето,
И застыть потом, как витязь на распустье.

* * *

Крепким чаем тоску не лечат —
Знаю: сахара нет на дне...
Жизнь бросает озноб на плечи:
Одеял не досталось мне.

Время — двери купе. Кривятся
Дни, как пыльные зеркала...
Пересчет календарных станций,
На которых я не сошла.

И окно, подступая ближе,
Фонарями косит в бреду...
Сколько будет еще таких же,
На которых я не сойду?

Рассыпаются по газонам
Одуванчики, как желток...
Еду мимо. Гремят вагоны —
Или капли о водосток,

Те, что падают — неизменно?..
Ветру хрипло кричу: «Смотри,
Как упорно мы бьемся в стены:
Ты — снаружи, я — изнутри!»

Стук колес отдается в сердце...

.....

Что метафоры? Разве в них

Дело?

...я не могу согреться —

Ваши руки теплей моих.

* * *

Засыпай скорее — это не совесть.
Сумерки связаны ветром на спицах...
Я не могу отпустить тебя, то есть
Никогда больше тебе не присниться.

Светофор, от грохота обезумев,
Бьется в окна красными кулаками...
Засыпай скорей в колыбельном шуме —
Это не агония — просто память.

Засыпай — а дождь за тебя разрежет
На полоски скомканный воздух. Милый,
Повторять не стоит — слова все те же —
Не бросай их больше в мою могилу.

Если давят стены на грудь и душит
Круг от лампы, захлестывает удавкой,
Засыпай скорее. Меня не слушай:
Память не годится на переплавку.

* * *

Когда солнце глотают сожженные пасти крыш
И в рамке окна виднеется фото ночи,
Я понимаю, что ты меня не простишь,
Даже неважно, не можешь или не хочешь.

Судьба равнодушна — и всем раздает по серьгам,
И сестрам, как я, и тому, кто, назвавшись братом,
Из этого мира давно подался в бега,
В карман пиджака бессмертную душу спрятав.

Мы все — красноватая глина — гемоглобин
Ее называют медики — на потеху
Тому, кто слепил нас, когда заскучал один,
Тому безымянному, горькому, страшному эху.

Когда купола разрезают закат, как нож,
И в воздухе пахнет раздором и дешевизной,
Я умолкаю — и ты меня не поймешь,
Но демон на паперти слушает с укоризной.

* * *

Я — твоей судьбы неуместная шутка,
Я — забытый багаж на твоём перроне.
Линялые крылья прятать под курткой
От века положено белой вороне.

Судьба не таких ещё в быт впрягала,
Борозды будней — кто не проложит?
...Я о тебе знаю слишком мало:
Ты не согласишься, как это сложно.

Значит, пора поступить иначе:
Не везет в любви — повезет... Как там?
Тебе со мной не видать удачи:
Я всегда, везде — крапленая карта.

* * *

Завтра, когда... (не хочется: «если» —
Условных союзов — страх)
Когда я пойму, что не нужно лестниц:
Небо здесь в двух шагах.

Увижу (опомнившись от соблазна
Неба — над головой):
Линии лестниц, как судеб, разны,
Но ни одной прямой.

Сложены карточные ступени —
Каторжные — до суда! —
«Завтра» стоптанным вдохновеньем
Приравнено — к «никогда».

* * *

Еще зима боролась и мела
По узким улицам муку, но голод
Не утолить ей поздним пирогом
Из серого и слипшегося снега.

Еще весна смотрела сквозь монокль,
На землю. Бликовало в линзе солнце.
Еще вода смывала копоть с душ,
Февраль, ворча, подсчитывал убытки,

А март зевал без дела — я тогда
Тебе в неверности клялась — теперь не вспомню...
Потом ты чьи-то руки целовал
И говорил, что это все — пустое,

Что завтра мы проснемся — навсегда.

* * *

Воспоминания — лекарство от пустоты.
Пять кубиков внутривенно. Больной еще дышит?..
Я родилась далеко отсюда, верно, ты
О глухомани такой и не слышал.

Воспоминания — приевшийся всем сюжет,
Хищен оскал приоткрытого фотоальбома...
Дело привычки, ты скажешь, но десять лет
Я не могу поверить, что все же — дома,

Что я смеюсь, рассыпаю — на счастье — соль,
Пальцем скольжу по бокалу холодного пива...
Так рисуют на память — скорей — на боль:
Грубо нарушена — видишь — здесь перспектива.

Линии в точку свожу — параллельны? — и пусть!
Что теперь в этом рисунке первостепенно?
Средство одно: если жизнью я вдруг заражусь —
Воспоминанья. Пять кубиков внутривенно.

* * *

Безмятежно года на ветер
Я бросала — теперь бедна.
Двадцать лет я живу на свете,
По карману ли мне — цена?

Двадцать брошенных вскользь сентенций,
Двадцать пойманных букв в строке,
Двадцать гулких ударов сердца,
Двадцать капель... Дождя в руке —

Или просто — валокардина?
Вечность треснула, как стакан,
Равнодушные взгляды в спину —
И ответный смешок — в туман.

Льется жизнь — через край расплещем! —
Двадцать рюмок — и все до дна!
Мне еще полглотка — покрепче,
Чтоб навечно сойти с ума,

Двадцать строк дописать до точки,
Остановленной — на краю,
И забыть, что на эти строчки
Променяла я жизнь свою.

* * *

Капли так доверчиво льнут к ладони,
Прикасаясь клювом — едва-едва...
Дождь заденет щеки, ресницы тронет
Позабытой истиной: я жива.

То ли жизнь от засухи обмелела,
То ли жмут гранитные берега —
Потому отчаянно надоело
Мне смотреть на небо, как на врага.

Я поймала капли — хочу подбросить,
Отпустить на волю — и пусть летят!
Изгибая ветви в немом вопросе,
Пересчетом листьев займется сад.

* * *

Полустертые фонари
Искалечены, перебиты.
В колком небе рассвет парит,
И ложатся шаги, как плиты

На могилу. А сквозь стекло —
Ослабевшие руки света...
Ветер фыркает, треплет зло
Саван, тучей переодетый.

Серый пеплос — что было сил —
Разорвав на косые нити...
Дождь! Я слышала, как ты жил.
Где ты умер, кого насытил?

* * *

Солнце, застывшее на перекрестке,
Выжато, выпито. Небо — жмых —
Закат присыпало. Рельсы — сноски
К роману, что создан был — после них.

Глаза танцовщицы и актрисы —
В лужах раздробленная луна.
И фонари, словно суд Париса —
Яблока три, а она — одна.

И безнадежно трамвай по рельсам
Тащит простуженный, хриплый звон...
Хлюпает носом июль: «Напейся
В руки скользнувшим слепым дождем».

* * *

Сухих оваций осыпались листья,
И небо пахло близостью антракта,
А больше — свежей типографской краской
Переплетенья узких черных веток,
Причудливее папиллярных линий...
Насмешник-ветер — слон в посудной лавке,
Глухой трубач сентябрьского оркестра,
Сыграл на бис, и даже крошки звука
Не вымести теперь из закулисья.

1.

Я больна декабрем. Я глотаю микстуру апреля.
Слишком много дверей? Заблудился? Вот нужный этаж.
Лифт ушел в небеса. Только мы на него не успели.
Может, слишком тяжел оказался декабрьский багаж?

Неказист интерьер, и давно здесь не мыты ступени.
Серый лестничный свод, словно небо, над нами навис.
И не нужно, прошу, театрально вставить на колени:
Слишком пыльно вокруг, слишком трудно смотреть
сверху вниз.

Я больна декабрем. Я в бреду вижу смутные лица,
И четыре стены задрожали, как водная гладь...
Лихорадкой зимы и сегодня легко заразиться,
Оттого-то меня врач-апрель запретил целовать.

2.

Кривой усмешкой месяца в окне
Приходит август. Помните ли, Фауст:
Конец апреля. Небо захлестнуло
Край облаков из белого песка?
И солнце заблестело вдруг в решетке
Разлитого тумана, что старатель-
Апрель руках от века не держал.
Вы помните? Мы опоздали в небо,
Теперь туда не пустят без билета...
А впрочем, не жалею: я не Гретхен,
И мне никто не скажет: «Спасена».

* * *

Осколки стихов искать, разбросанные у ног,
По реальности, как по столу, выстукивать пальцами —
прозу —
И сны собирать, как в пригоршню цветной песок,
Чтобы потом очнуться от ночи, как от наркоза.

Торговаться с судьбой — и спрашивать цену любви,
И сколько не назови — от меня ты услышишь: «Меньше!»
Mon cher, я цинична. Что мне возразить? C'est la vie!
Не потому ли, мой друг, ты боишься женщин?

Не потому ли твердишь, что глаза у меня — как сталь,
И прячешь зачем-то свои — обугленные — по краю?
Не верь мне! Все блеф. На руках — посмотри —
флеш-рояль,
Так часто бывает с теми, кто не играет.

А я хочу одного: не видеть тебя во сне,
Звонком телефонным разрезать завесу бреда,
Услышать твой голос — где-то на острие,
Чтобы потом заплакать от боли, как от победы.

* * *

Город тянется вширь, расстилаясь закрученной лентой,
Расползаясь по карте сплетеньем извилистых улиц,
Где впечатан в асфальт каблуков перестук безответный,
Где на крышах вповалку уставшие тени заснули.

...Я забыла тебя. Лето память, должно быть, мне стерло,
Или свет ослепил, спозаранку поставленный в угол...
Только воздух сухой все сильнее царапает горло,
Словно жажда забыть, как же мы задолжали друг другу.

* * *

Нужно силы найти, и l'amour — лучше сразу — la vie! —
Пережи... Пережить! Я когда-нибудь стану железной.
Каждый день нам со сцены упорно поют о любви:
Мы — покорная паства, но проповедь здесь бесполезна.

Нас дурная привычка скрепила, как липкий кисель
Две страницы в романе, умеренно-скучном — по моде...
Только день ото дня мы все чаще садимся на мель,
Были в трюмах запасы любви — но давно на исходе.

Остается подбрасывать мелко раздробленный смех
И с балкона проходим кричать: «Мы живые, поверьте!»
По наклонной мы издавна медленно катимся вверх,
Так бывает порой: перепутали счастье со смертью.

* * *

Все вперемешку — краски, кисти...
Художник-август — вопреки
Календарю — рисует листья
Как продолжение руки.

С увядшей и поблекшей кожи
Уже дождем не смыть налет
Сентябрьской ржавчины. Но все же
Смерть слишком рано брать в расчет.

* * *

Тучи сажают кляксы небу на разворот,
И мокрый асфальт, изумляясь, в него глядится.
Голодный ветер бессильно кусает зонт
И зубы сломать норовит о железные спицы.

Глодает, и злится, и брызжет слюной дождя,
Бросается под ноги, с плачем проносится мимо...
А вечер проходит, закат под уздцы ведя,
И душат слова — невесомо — непоправимо.

Давай помолчим — не там, не тогда, не о том —
В ладони лоя полоски прохладной стали...
Потом разбредемся врозь под одним зонтом,
И против течения рельсов трамвай отчалит.

* * *

Мы проснулись под небом, затянутым марлей белёсой.
Наши окна стеклярусом дождь занавесил. В лица
Заглянуть не пытаемся. Видеть бы научиться
Дальше капельки солнца, засевшей на кончике носа.

Мы плохие актёры, но выбор сцены удачен.
Здесь пульсирует жизнь. Беспкойным сердечным ритмом
Проходит трамвай. Сон разрезан звонком, как бритвой.
Стёкла только смеются: намёк их слишком прозрачен.

* * *

Мы устало вдыхаем холодную пыль рассвета,
А мосты, будто кошки, легко выгибают спины,
По которым их гладит рукой золотистой лето,
И не знает, как оно нам необходимо.

Оно чуть опоздало — и кто угадает повод? —
А мы ждали всю ночь и считали удары сердца...
Были слишком пьяны, чтобы помнить каминный холод,
Были слишком трезвы, чтобы им в эту ночь согреться.

Мы смотрели в окно: над мостом расстилалась скатерть.
Серо-синий туман был измят и давно не стиран.
Мы ловили минуты, пытались считать и тратить...
Оседали они, словно пыль по углам квартиры.

На исходе весны был наш слух нарочито-острым,
Нас с постелей поднять ухитрялась любая малость...
А наутро узнали: напрасно, а лето просто
Позабыло ключи и дождём нам в окно стучалось.

* * *

Город пеплом засыпан сгоревшего полумрака...
На асфальте вечер лениво рисует тени...
Заблудился свет в паутине дорожных знаков,
И дремота кошкой устроилась на коленях.

Успокоились улицы, вплавленные в бордюры
Безысходностью счастья, сухой пустотой осенней...
Задохнулись шаги, и ссутулились тени понуро,
И холодный закат в горизонте стеклянном вспенен.

* * *

Нам сегодня приснится ночной Петербург,
Молоком окропленное небо...
Захлебнемся словами, подумаем вдруг,
Как аукнется нам не-победа.

Здесь вода ускользает из пальцев мостов,
Здесь рассвет, опрокинувший тени,
Поскользнулся, плашмя распростерся, готов
Целовать ледяные ступени.

Мы устанем бороться и соревновать-
-ся под грязных небес парусиной.
А ленивые волны, ползущие вспять,
В берегах разлинованных стынут.

* * *

Горизонт — застиранный и блеклый,
Солнце раной кажется сквозной.
Жадно дышат сдавленные стекла
Мертвой предрассветной белизной.

Листьев не хватает — бесноватый
Ветер их транжирит почем зря.
Так пришло — пронзительно и свято —
Первое кощунство сентября.

Брошены обугленные ключья
Грязным лужам, круглым жадным ртам,
Розданы — насытившимся ночью,
Темнотой напившимся дворам.

А рассвет венчального покроя
Распростерся саваном — назло.
И приставлен дрогнувшей рукою
Скальпель неба к горлу.

Повезло.

Содержание

Магия слов	3
«Шито белым стихом, та чере Коломбина...».....	7
«Был нещадно развенчан последний кумир...».....	8
Майское	9
«Приходим в себя, но любовь остается вне...».....	11
«Стала жизнь неудобной...»	12
«Кто-то горло мне сжал...».....	13
Одиночество	14
«День разливается, как молоко по подоконнику...».....	15
«Солнце натягивает одеяло...».....	16
Гамлету	17
«Эх, к судьбе бы зайти в кабинет...».....	18
«Новый рисую май, девятнадцать таких прожив...»	19
«Я потеряла тебя, как ключи от квартиры...».....	20
«Перед плахой сцены зал молчалив...».....	21
«Плаваем мы, как листочки чая...».....	22
«Я сошла с ума, как с поезда, и дальше...».....	23
«Позолотой молчания закрашивать паузы...»	24
Стол	25
«Как занавес, взлетают шторы...»	26
«Как в зеркало, молча взгляделась в глаза ко сну...»	27
«Закрываются веки уснувших оранжевых окон...»	28
«Давно заказан столик в ресторане...»	29
«Мчат по асфальту чернильные лужи...»	30
Шахматы	31
Фонари	32
«Гроб бетонный. Кто-то сверху в крышку...»	34

«Скучно! Веселье зимою редко...».....	35
«Я и в грош эту жизнь не ставлю...»	36
«“Фонарь казнен?” Тумана горсть подбросим...»	37
Весна	38
«Чахлый фонарь неумело...».....	39
«Шел первый снег. Бросался на дома...».....	40
«Бесстыден взгляд раскрытого окна...»	41
«Тени вечер растянул на дыбе...»	42
«Солнце спешит, позабыв о чем-то...».....	43
«Все-таки высушу расправленную тишину...».....	44
«Говоришь мне: «Spleen», словно опытный душевед...»	45
«Я боюсь ошибиться — так хочется — наверняка...».....	46
«А мне поставят памятник из жести...»	47
«Выцветший орнамент окон. “Хватит!”...»	48
«Звезды-зерна исчезают в борозде рассвета...»	49
«Со вчерашнего вечера нет писем в почтовом ящике...» .	50
«Где деревья греют сморщенные спины...».....	51
«Крепким чаем тоску не лечат...».....	52
«Засыпай скорее — это не совесть...»	54
«Когда солнце глотают сожженные пасти крыш...».....	55
«Я — твоей судьбы неуместная шутка...».....	56
«Завтра, когда... (не хочется: “если”...».....	57
«Еще зима боролась и мела...»	58
«Воспоминания — лекарство от пустоты...».....	59
«Безмятежно года на ветер...».....	60
«Капли так доверчиво льнут к ладони...».....	61
«Полустертые фонари...».....	62
«Солнце, застывшее на перекрестке...».....	63
«Сухих оваций осыпались листья...»	64
«Я больна декабрем. Я глотаю микстуру апреля...»	65
«Кривой усмешкой месяца в окне...»	65
«Осколки стихов искать, разбросанные у ног...»	66
«Город тянется вширь, расстилаясь закрученной лентой...»	67
«Нужно силы найти, и l'amour —	

лучше сразу — la vie!...».....	68
«Все вперемешку — краски, кисти...».....	69
«Тучи сажают кляксы небу на разворот...»	70
«Мы проснулись под небом, затянутым марлей белёсой...»	71
«Мы устало вдыхаем холодную пыль рассвета...».....	72
«Город пеплом засыпан сгоревшего полумрака...».....	73
«Горизонт — застиранный и блеклый...»	75

Елена Сергеевна Меньшенина

АЛХИМИКИ ДОЖДЯ

Верстка *В. Б. Феркель*

Подписано в печать 29.09.11 г.
Формат 76×100/32. Гарнитура Minion Pro.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 3,4.

Заказ № 121.
Тираж 100 экз.

Отпечатано в типографии
ООО «Тираж Сервис»
454091, г. Челябинск, ул. Свободы, 179.